

Е. В. Маринова

*Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
(Россия, Нижний Новгород)
marinova@list.ru*

НОВЫЕ СЛОВА ИЛИ НОВЫЕ ВАРИАНТЫ: О МНОЖЕСТВЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕКОТОРЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ НОВАЦИЙ XXI ВЕКА

Рассматривается вопрос о языковом статусе некоторых новообразований современной русской речи, отличительной чертой которых является отсутствие семантических различий с производящим словом. Такие новообразования представляют собой вторичные номинации реальных, создаваемые для эффекта новизны, языковой игры и т. п. К ним относятся усечения (*проц, стаб*); визуальные неологизмы (*от-ПИАРить*); сетевые номинации типа *девушко, игрушк* и под. В отечественной лингвистике наметилась тенденция рассматривать подобные новации как результат деривации. Однако не во всех случаях при появлении в речи новой звуковой или/и графической оболочки, напрямую мотивированной существующим в языке словом, можно говорить о деривации, а саму новацию определять как новую лексическую единицу. Узуальное слово может подвергаться намеренной трансформации (грамматической, графической, фонетической), результатом которой является его неuzuальный вариант. Для теории неологии различие деривации и вариантности представляется актуальным, поскольку в общенаучном смысле это различие выводит на вопрос о пределах варьирования слова, связанный с вопросом тождества языковой единицы. На практике от решения этих вопросов зависит лексико-графическая фиксация новообразований, их расположение в структуре словарной статьи.

Ключевые слова: неологизм, варианты слова, (псевдо)трансформация грамматического рода, усечение, визуальные неологизмы, графодеривация.

К постановке проблемы. Новизна лексической единицы проявляется по-разному: в зависимости от того, какая ее сторона — фонетическая (план выражения) или семантическая (план содержания) оказывается новой для носителей языка. Наличие или отсутствие новизны у каждой из сторон лексической единицы схематически можно представить следующим образом (знаком «+» обозначается наличие новизны; знаком «-» — ее отсутствие):

неологизм I	неологизм II	неологизм III
<i>план выражения +</i> <i>план содержания +</i>	<i>план выражения +</i> <i>план содержания –</i>	<i>план выражения –</i> <i>план содержания +</i>
Новым является как план выражения, так и план содержания.	Новым является только план выражения (семантика известна носителям языка).	Новизна проявляется только в плане содержания (у так наз. семантических неологизмов).
<i>стримить</i> 'комментировать онлайн-игру', <i>хиршебесие</i> (оказ.)	<i>фешн</i> 'мода', <i>гречанабол</i> шутол. 'гречка' (в речи любителей фитнеса)	<i>сушить(ся)</i> (в фитнесе) 'избавляться от слоя жира'

В подавляющем большинстве современных исследований новые звуковые комплексы (новообразования первых двух типов) в том случае, если они не являются результатом заимствования, рассматриваются как результат словообразовательной деривации. Но всегда ли мы имеем дело с деривацией?

Для ответа на этот вопрос обратимся к некоторым речевым новациям, которые представляют собой вторичные, в том числе неузуальные, обозначения реалий, часто создаваемые в целях экспрессии, языковой игры, эффекта новизны. Такие единицы могут не иметь семантических различий с мотивирующим словом: в них новым является только план выражения (см. неологизм II в табл. 1). На наш взгляд, не во всех случаях при появлении в речи новой звуковой или/и графической оболочки, напрямую мотивированной каким-либо существующим в языке словом, можно говорить о деривации, а значит, саму лексическую новацию определять как новое слово (новую лексическую единицу). Возможно, речь идет о варьировании имеющейся (не новой) единицы.

Для теории неологии этот вопрос представляется актуальным, поскольку в специальной научной литературе неоднозначно интерпретируется не только статус таких новаций в языке (новые слова vs. новые варианты «старых» слов), но и способы их образования. В общенаучном смысле анализ подобных новообразований ставит вопрос о пределах варьирования слова, связанный с вопросом тождества языковой единицы. В свое время А. И. Смирницкий сформулировал этот вопрос так: «... каковы возможные различия между отдельными конкретными случаями употребления (воспроизведения) одного и того же слова, т. е. какие различия между такими случаями совместимы, а какие случаи несовместимы с тождеством слова» [Смирницкий 1998: 36]. В случае «совместимости» мы имеем дело с вариантами слова, несовместимости — с разными словами.

В этом отношении нас будут интересовать три вида речевых новаций:

- (псевдо)трансформация грамматического рода;
- фонетическая трансформация слова путем усечения;
- графическая трансформация слова.

Трансформация грамматического рода и «подделка» под нее. Некоторые исследователи интерпретируют появившиеся несколько лет назад в сетевом языке образования типа *блондинко*, *девушко*, *книжко* и т. п. как флексийные дериваты, считая словообразовательным формантом для таких новаций «систему флексий среднего рода» [Щеникова 2017: 148].

Между тем следует заметить, что во многих контекстах с этими и подобными образованиями в них самих нет ни «системы», ни, собственно, флексии, ни среднего рода, поскольку как «левое», так и «правое» согласуемое слово употребляются в форме грамматического рода узуального слова (*у моей девушко; блондинко оценила*). В таком случае точнее говорить не о словообразовательной деривации и среднем роде, а о намеренном, игровом варьировании слова. Здесь мы имеем дело с орфографическими феноменами, которые на самом деле демонстрируют антиорфографическое написание безударного окончания (впервые, по нашим данным, на это явление было обращено внимание в работе Л. В. Зубовой [Зубова 2010]). Следовательно, *блондинко (оценила)* — некодифицированный орфографический вариант (псевдотрансформация рода или, по выражению А. Бердичевского, «орфографический» средний род).

И даже если опираться на контексты, в которых синтаксическое окружение сетевых существительных на *-о* выявляет признаки «нового» рода (*взрослое девушко*), логичнее интерпретировать данные образования как неuzuальные грамматические (родовые) **варианты** (ср.: *зал* и устар. *зала, зало* — узуальные варианты). Неuzuальные грамматические варианты, в отличие от узуальных, всегда результат **намеренной трансформации грамматического рода**. Она необязательно связана с обыгрыванием **среднего рода**. Новым для слова может быть мужской род (*мой игрушк* — в сетевом общении) или женский род, как, например, в рекламе *Наша честная сейла!* (ср. узуальное *сейл* — м. р.). Такие вторичные номинации — результат варьирования слова, но **не деривации** (отсутствует формант и словообразовательное значение).

Напротив, иной статус имеют сетевые окказионализмы типа *мопса* (ср.: *У меня девочка, мопса*), *кош* (о коте) и т. п. Эти и подобные им существительные встраиваются в узуальные модели словообразования (ср.: *кум* — *кума, лиса* — *лис, доярка* — *дояр*), по которым и ранее, до массовых языковых игр в Сети, образовывались окказиональные производные (ср. примеры в работах В. З. Санникова, Т. А. Гридиной, Б. Ю. Нормана и др.); по-разному интерпретировался только способ образования таких дериватов.

Таким образом, игры с грамматическим родом, в том числе с актуализацией идеи пола или, напротив, нейтрализацией этой идеи (*девушко, мужчино, котэ*), могут иметь разные языковые механизмы, не все из которых подпадают под понятие *деривации*.

Фонетическая трансформация слова путем усечения. Не менее распространены в современной речи и такие трансформации внешнего облика слова, как всевозможные усечения, причем заметно растет количество окказиональных случаев, прежде всего в текстах различных интернетовских жанров (ранее среди окказионализмов отмечались лишь единичные усечения [Земская 1973: 275]). В массе примеров всевозможных новообразований нередко не различаются принципиально разные вещи, когда, например, в один ряд слов, образованных якобы «путем усечения», ставятся *антиглобы* (антиглобалисты), *аудиал*, *гламурь*, *интерактив*, *неадекват*, *серьёз* [Новые тенденции... 2014: 164–165]. В то же время предпринимаются попытки разграничить подобные единицы по способам словообразования [Николина 2016].

Однозначно к области словообразовательной деривации могут быть отнесены усечения типа *неадекват*, *паранормал*, *инфантил*, *официоз*, т. е. имена существительные, образованные от прилагательных, в том числе от прилагательных — компонентов устойчивых словосочетаний типа: *копир* — *копировальный (аппарат)*, *корп* — *корпоративный (тариф)* и т. п. В процессе деривации система флексий, присоединяемая к основе нового существительного, выражает словообразовательное значение 'лицо, обладающее признаком, обозначенным производящим словом' (*неформал*) или 'предмет, характеризующийся признаком, обозначенным производящим словом' (*официоз*). Если же в результате усечения часть речи не меняется (*проц* < *процессор*; *стаб* < *стабилизатор* и под.), что наблюдается чаще всего, о деривации говорить однозначно уже не приходится.

В отличие от усечений на базе прилагательных, в отсубстантивных усечениях отсутствует, на наш взгляд, словообразовательный формант. На отсутствие словообразовательного значения при усечении существительных указывала еще Е. А. Земская [Земская 1992: 35]. По этим признакам отсубстантивное усечение ближе к варьированию слова, чем к словообразовательной деривации, а сами единицы — усеченную и неусеченную — некоторые ученые склонны рассматривать как **варианты** одного и того же слова, т. е. модификации одной и той же языковой единицы [Немченко 1990: 90] (в особенности, если они принадлежат к одной языковой стране).

В этом отношении заслуживает внимание точка зрения А. И. Смирницкого, сформулированная им в его рассуждениях по поводу проблемы тождества слова: «В качестве именно вариантов одного и того же слова выступают в английском языке, например, *often* и *oft*. Хотя эти языковые образования и различаются внешне, они вовсе не различаются по своему лексическому значению. ... Различие между языковыми образованиями в их стилистической характеристике не делает их разными словами» [Смирницкий 1998: 44].

Таким образом, рассматривая отсубстантивные усечения, следует, на наш взгляд, учитывать двойственность их положения в языке, их особый характер, приближающий к вариантам слова [Маринова 2007].

Графическая трансформация слова. К дериватам нередко относят и все визуальные, или графические, неологизмы — окказиональные образования, отличающиеся от своих узуальных «прототипов» написанием («*СТОМАТОЛОГиЯ*», «*ШО-Колад*», «*Bar*», «*Галактика*» и под.). Новизна таких окказиональных единиц речи **не затрагивает звукового облика слова** (т. е. такие неологизмы воспринимаются только «на глаз», визуально; произносятся они без изменений).

Что касается плана содержания, новизна здесь проявляется по-разному.

Новый графический облик слова может не менять его значение. Ср.: *бар* — *BAR* — *БАРЬ*; *отпиарить* — *отПИАРить* и под. В этом случае мы имеем дело с неузуальными **вариантами** слова (графическими — по характеру различия и стилистическими — по функции) [Маринова 2005]. Схематически это можно представить так:

план выражения: звучание –/ написание +
план содержания –

Однако в научной литературе такие случаи нередко считают результатом графодеривации, или линейной деривации, при которой «графическая оболочка однозначно представляет определенную лексему» [Гугунава и др. 2003: 43].

На наш взгляд, о графодеривации можно говорить только в том случае, если графические манипуляции со словом сопровождаются тем, что новое написание «старого» слова приобретает иное значение, какой-то дополнительный смысл. См. заголовки: *Как проСОЧИТЬся на Олимпиаду?*; *ПоБУШЕвали*. Таким образом, графодеривация — это создание окказионального слова путем изменения его визуального написания и **значения**:

план выражения: звучание –/ написание +
план содержания +

Если же при намеренной трансформации слова новым оказывается и звучание (*БУШечное мясо*; *БУШефрения*), значит, «сработал» какой-то иной способ словообразования, при котором графика лишь дополнительное (не обязательное) средство (см., например, приведенные выше окказионализмы без графического выделения: *бушечное*, *бушефрения*). Однако в научной литературе наметилась тенденция любые изменения в написании слова объяснять явлением графодеривации.

Неразличение графодеривации и других способов создания окказионального слова объясняется, возможно, модой на само это понятие — *графодеривация*. Игра с графикой действительно относительно нова для русской речи. В XX в., в советское время, лингвисты фиксировали лишь спорадические случаи такой игры, рассматривая их как редкое окказиональное явление [Санников 2002: 56].

Выводы.

1. Массив новообразований в современной речи дает возможность исследователям осмыслить не только богатый творческий потенциал русского языка, но и некоторые теоретические вопросы языкознания, в частности вопрос о границах варьирования слова, вопрос о тождества слова.
2. На практике решение этих важных вопросов связано с лексикографической фиксацией слов, его статусом, размещением в структуре словарной статьи (новое слово или новый вариант).
3. С точки зрения научной методологии представляется необходимым различать в изучаемом явлении ядро и периферию — смешанные, переходные случаи, принципиально предполагающие множественность интерпретации.

Литература

Гугунава Д. В. и др. Особенности словотворчества в современной публицистике. Н. Новгород: НГПУ, 2003. 56 с.

Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Просвещение, 1973. 304 с.

Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992. 221 с.

Зубова Л. В. Ироническая грамматика: средний род в игровой неологии // Вопросы языкознания. 2010. № 6. С. 16–24.

Маринова Е. В. Визуальные неологизмы: новая графика «старых» слов // Вестник Нижегородского университета. Сер. Филология. Вып. 1 (6). 2005. С. 127–132.

Маринова Е. В. Усеченные субстантивы в современной русской речи: «своё» и «чужое» // Язык в движении. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 117–125.

Немченко В. Н. Вариантность языковых единиц. Красноярск: КГУ, 1990. 184 с.

Николина Н. А. Активные процессы в сфере усечения // Научное наследие Б. Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания. Н. Новгород: ННГУ, 2016. С. 297–301.

Новые тенденции в русском языке начала XXI в. / под ред. Л. В. Рацибурской. М.: ФЛИНТА; Наука, 2014. 304 с.

Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.

Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М.: МГУ, 1998. 264 с.

Щеникова Е. В. Реализация флексийного способа словообразования в форумном дискурсе // Lingua Academica. Ульяновск: УГУ, 2017. С. 148–155.

E. V. Marinova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

(Russia, Nizhny Novgorod)

marinova@list.ru

NEW WORDS OR NEW VARIANTS: ON MULTIPLE INTERPRETATIONS OF SOME LEXICAL INNOVATIONS OF THE XXI CENTURY

The article considers the problem of language status of some innovations of modern Russian speech, distinguished by absence of semantic differences with the original word. Such neologisms present secondary nominations of culture-specific concepts, created for the purpose of language play, novelty effect. They include apocope (*prot*s, *stab*); visual neologisms (*otPIARit'*); Internet nominations like *devushko*, *igrushk*, etc. In Russian linguistics there is a tendency to consider such novations as a result of derivation. However, when a new sound or graphic form directly motivated by the existing word appears in speech, we cannot always speak about derivation or define the novation itself as a new lexical unit. A usual word can be subjected to intentional transformation (grammatical, graphical, phonetic), that results in its occasional variant. For the theory of neology the differentiation between derivation and variation is very important, since in the general scientific sense this differentiation leads to the question about the limits of word variation, which is connected with the problem of identity of a word. In practical sense the solution of these questions determines lexicographical fixation of neologisms, their position in the structure of a dictionary entry.

Key words: neologism, word variants, (pseudo)transformation of grammatical gender, apocope, visual neologism, graphoderivation.

References

Gugunava D. V. et al. *Osobennosti slovotvorchestva v sovremennoi publitsistike* [The word creation features of modern journalism]. N. Novgorod, St. Ped. Univ. Publ., 2003. 56 p.

Marinova E. V. [Visual neologisms: new graphics of «old» words]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta. Ser. Filologiya*, vol. 1(6), 2005, pp. 127–132. (In Russ.)

Marinova E. V. [Truncated substantives in modern Russian speech: «our own» and «the alien»]. *Yazyk v dvizhenii* [Language in motion]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2007, pp. 117–125. (In Russ.)

Nemchenko V. N. *VARIANTNOST' YAZYKOVYKH EDINITS* [Language units variation]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk St. Univ. Publ., 1990. 184 p.

Nikolina N. A. [Active processes in the field of truncation]. *Naychnoe nasledie B. N. Golovina v svete aktual'nykh problem sovremennogo yazykoznanija* [B. N. Golovin's scientific heritage in the aspect of actual problems of modern linguistics]. N. Novgorod, State Univ. of N. Novgorod Publ., 2016, pp. 297–301. (In Russ.)

Novye tendentsii v russkom yazyke nachala XXI v. [New trends in the Russian language of the early 21st c.]. Ed. by L. V. Ratsiburskaya, Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2014. 304 p.

Sannikov V. Z. *Russkiy yazyk v zerkale yazykovoy igry* [Russian in the mirror of language play]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2002. 552 p.

Shchenikova E. V. [Implementation of the flexion method of word formation in a forum discourse]. *Lingua Academica* [Lingua Academica]. Ul'yanovsk, Ul'yanovsk State Univ. Publ., 2017, pp. 148–155. (In Russ.)

Smirnitkii A. I. *Leksikologiya angliyskogo yazyka* [English lexicology]. Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 1998. 264p.

Zemskaya E. A. *Sovremennyy russkiy yazyk. Slovoobrazovanie* [Modern Russian. Word formation]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1973. 304 p.

Zemskaya E. A. *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'* [Word-formation as an activity]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 221 p.

Zubova L. V. [On ironical grammar: the neutral gender in language-game neologisms]. *Voprosy jazykoznanija*, 2010, no. 6, pp. 16–24. (In Russ.)